

БОЛЬШАЯ БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

МАРТИН ИДЕН

**ДЖЕК
ЛОНДОН**

Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Л76

Серия «Большая библиотека приключений. Новое оформление»

Дизайн *Анны Сазоновой*

Иллюстрация на обложке *Бориса Аджиева*

Лондон, Джек

Л76 Мартин Иден : роман / Джек Лондон. Пер. с англ. —
Москва: Издательство АСТ, Издательский дом «Ленин-
град», 2024. — 480 с. — (Большая библиотека приклю-
чений. Новое оформление).

ISBN 978-5-17-166498-5

«Мартин Иден» — один из самых известных романов знамени-
того американского писателя Джека Лондона. Простой моряк, грубый и
неотесанный, проходит длинный и тяжелый путь к литературной славе.

По прихоти судьбы оказавшись в светском обществе, он сражен обра-
зом юной красавицы Руфи Морз, так не похожей на всех людей, которых
он видел прежде. Но она из богатой семьи, которая не примет такого, как
Мартин. Отныне перед ним только две цели — слава писателя и облада-
ние любимой женщиной. Но мечты и действительность коварны: неиз-
вестно, когда они сбудутся и сбудутся ли.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-166498-5

© ООО «Издательство АСТ», 2024

ГЛАВА I

Шедший впереди отпер дверь французским ключом и вошел. За ним вошел молодой парень, который при этом неловко сдернул кепку с головы. Ничем был простоя грубая одежда, пахнувшая морем; в просторном холле он как-то сразу оказался не на месте. Он не знал, что делать со своей кепкой, и собрался уже захватить ее в карман, но в это время спутник взял кепку у него из рук и сделал это так просто и естественно, что неуклюжий парень был тронут. «Он понимает, — пронеслось у него в голове, — он меня не выдаст».

Вперевалку, широко расставляя ноги, словно пол под ним опускался и поднимался на морской волне, он пошел за своим спутником. Огромные комнаты, как казалось, были слишком тесны для его размеристой походки, — он все время боялся зацепить плечом за дверь или схватить какую-нибудь безделушку с камин. Он лавировал между различными предметами, преувеличивая опасность, существовавшую больше в его воображении. Между роялем и столом, заставленным книгами, могло свободно пройти шесть человек, но он отвязался от этого лишь с мирным сердцем. Его тяжелые руки беспомощно болтались, он не знал, что с ними делать. И когда вдруг ему отчетливо представилось, что он вот-вот заденет книги на столе, он, как испуганный конь, прянул в сторону и едва не повалился бурет у рояля. Он смотрел на своего уверенно шагавшего

спутник и впервые в жизни думал о том, как неуклюж его собственная походка и как он отличается от походки других людей. Н мгновение его обожгло стыдом от этой мысли.

Когда пот выступили у него на лбу, и, остановившись, он вытер свое бронзовое лицо носовым платком

— Артур, дружище, погодите немножко, — сказал он, пытаясь шутливым тоном замаскировать свое смущение. — Слишком уж для меня много это первый раз. Дайте собраться с духом. Вы ведь знаете, я не хотел, даже в шим-то едва ли так уж не терпится на меня посмотреть.

— Пустяки! — последовал успокоительный ответ. — Вам нечего бояться нас. Мы люди простые... Эге! Мне письмо, я вижу!

Артур подошел к столу, вскрыл конверт и начал читать, давая гостю возможность прийти в себя. И гость это понял и оценил. Он был очень чуток и восприимчив, и, несмотря на внешнюю робость, в нем уже шел процесс приспособления к новой обстановке. Он вытер лоб и посмотрел кругом более спокойно, хотя в глазах еще осталась тревога, как у дикого животного, опасающегося за себя. Он был окружен неизвестным, он боялся того, что могло произойти, он не знал, что ему делать, понимая, что держится нескладно и что, вероятно, нескладность эта проявляется не только в походке и жесте. Он был чрезвычайно чувствителен, невероятно самолюбив, и лукавый взгляд, который укрдкой бросил на него Артур поверх письма, поразил его, как удар кинжала. Он поймал его взгляд, но не подумав, так как к многому уже успел научиться, и прежде всего дисциплине. Однако этот удар кинжала ранил его гордость. Он выругал себя за то, что пришел, но тут же решил, что раз уж пришел, то выдержит все до конца. Лицо его приняло суровое выражение, и в глазах сверкнул огонек. Он огляделся теперь более уверенно, стараясь запечатлеть в своем мозгу все детали окружающей обстановки. Ничто не ускользнуло от его

широко раскрытых глаз. И по мере того как он глядел на эти красные вещи, сердитый огонь в его глазах угас, сменяясь теплым блеском. Он всегда живо откликнулся на красную соту, здесь было нечто, что откликнулось.

Его внимание привлекло к картинке на стене, написанная масляными красками Могучий в лесу, изображающий выступивший из воды утес; низкие грозовые облака покрывали небо, по бушующим волнам, освещенная планетой земля, неслась мимо лодки, сильно накренившись, так что вся ее палуба была открыта взгляду. Это было красное, красная сота неодолимо влекла его. Он забыл о своей неуклюжей походке и подошел к картинке вплотную. Красная сота как не бывало. Он с недоумением взирал на то, что теперь казалось грубой мазней. За тем он отошел. И тотчас же картина снова стала прекрасной. «Картина с фокусом», — подумал он, отворив ящик, и среди новых нахлынувших впечатлений успел почувствовать негодование, что столько красная сота принесено в жертву ради глупого фокуса. Он не имел понятия о живописи. До сих пор он видел лишь хромолитографии, которые были одинаково гладки и отчетливы вблизи и издали. Проведя в витринах магазинов он видел картины, написанные красками, но стекло не позволяло взглянуть их как следует.

Он оглянулся на своего друга, читавшего письмо, и увидел на столе книги. Его глаза загорелись жадностью, как у голодного при виде пищи. Он невольно шагнул к столу, все так же вперевалку, и начал с волнением перебирать книги. Он глядел на заглавия и имена авторов, читал отдельные фразы в тексте, ласкал книги глазами и руками и вдруг узнал книгу, которую недавно читал. Но, кроме этой одной книги, все другие были ему совершенно неизвестны, так же как и их авторы. Ему попался томик Суинберн, и он стал читать, забыв, где находится; лицо его рожглось. Дважды он закрывал книгу, чтоб посмотреть имя автора, улыбаясь лицом заживо страдальцу. Суинберн! Он запомнит имя. У этого Суинберна были, видно,

острые глаза, он умел видеть очертания и краски. Но кто он такой? Умер он лет сто тому назад, как большинство поэтов, или жив и еще пишет? Он перевернул страницу. Да, он написал и другие книги. Однако, завтра же утром он пойдет в публичную библиотеку и попробует достать что-нибудь из сочинений этого Суинберн.

Он так увлекся чтением, что не заметил, как в комнату вошел молодой человек. Его зритель опомниться голос Артура, сказавшего вдруг:

— Руфь! Это мистер Иден.

Книжка хлопнула, и, прежде чем повернуться, он весь дрожал от нового, еще неизведанного ощущения, которое в нем вызвало не приход девушки, слов ее брат. В его мускулистом теле жил обостренный чувствительность. Под самым воздействием внешнего мира его чувств и мысли вспыхивали и играли, как пламя. Он был необычайно восприимчив и отзывчив, его пылкое воображение все время работало, устроив взымательные отношения между вещами, сходство и различие. Слово «мистер Иден» — вот что зритель его вздрогнуть.

Он, которого всю жизнь звали «Иден», или «Мартин Иден», или просто «Мартин», — вдруг «мистер». «Это что-нибудь действительно читает», — отметил он про себя. Его ум внезапно превратился в огромную к меру-обскуру, и перед ним бесконечной вереницей пронесли различные картины его жизни: кочегарки, трюмы, доки, пристани, тюрьмы и тюрьмы, больницы и мрачные трущобы; все это низлось на один стержень — форму обращения, к которой он так привык.

Он обернулся и увидел девушку. Беспорядочные видения, возникшие в его памяти, сразу исчезли. Это было бледное, воздушное создание с большими голубыми одухотворенными глазами, с массой золотых волос. Он не знал, как он одет, — знал лишь, что наряднейшей же чудесный, как и он сам. Он мысленно срывать ее с бледно-золотистым цветком на тонком стебле. Нет,

скорей он — дух, божество, богиня, — так я возвышенней как сот не может быть земной. Или в своем деле проведу говорят книги, и в других, высших кругах обществ многих, как он? Вот ее бы воспеть этому Суинберну. Может быть, он и думал о ком-нибудь, похожем на нее, когда описывал Изольду в книге, которая лежит там, на столе. Вся эта смена мыслей, видений и чувств заняла одно мгновение. Внешние события шли своей чередой, без перерывов. Руфь протянул ему руку, и он изметил, как прямо смотрел он ему в глаза во время крепкого, совсем мужского рукопожатия. Женщины, которых он знал, не так пожмешь ли руку. Они вообще редко здоровались за руку. Его снов захлестнул целый поток пестрых картин, воспоминаний о том, как он знал комился с разными женщинами. Но он откинул все эти воспоминания и смотрел на нее. Той он никогда не видел. Женщины, которых он знал. Немедленно рядом с нею выстроились «те» женщины. В течение секунды, пока вшейся вечностью, он словно стоял посреди портретной галереи, в которой он знал лишь центральное место, вокруг теснились женщины, которых не до было оцепить, окинув беглым взглядом, и сопоставить с нею. Он увидел худые, болезненные лица фабричных работниц и задорных девочек с городской окраины; увидел скотниц с огромных скотоводческих ранчо и смуглых, курящих сигары жительниц Стрей Мексика. Потом мелькнули похожие на кукол японки, семенящие на деревянных подошвах женщины Евразии с тонкими чертами лица, уже отмеченные признаками вырождения; за ними пышнотелые женщины островов Великого океана, темнокожие и украшенные цветами. И наконец, всех оттеснил чудовищный кошмарный толп — респектабельные потскухи с пилелей Уйтчепел, пропитанные джином ведьмы из темных притоков, целая вереница исчлудий, грязных и рзвратных, жалкие подвоя женщины, подстерегающие моряков на стоянках, эти отбросы портов, пен и кипь человеческого котла.

— Сидите, мистер Иден, — сказал девушка. — Мне так хотелось познаться с вами, после того что и мистер Артур. Это был такой смелый поступок.

Он отрицательно покачал головой и пробормотал, что все это суший вздор, что всякий поступил бы так же на его месте. Он заметил, что рука, которую он ей подложил, покрыта свежими, зелеными ссадинами; посмотрел на другую руку и увидел то же самое. Потом, скользнув быстрым критическим взглядом, он заметил шрам у него на щеке, другой на лбу, подсыхающими волосами, и, наконец, третий, исчезавший из-под хмельным воротничком. Он подвинул улыбку, увидев красную полосу, на третьей воротничком на его бронзовой шее. Он, видно, не привык носить воротнички. Ее женский взгляд отметил и дурной, мешковатый покрой его костюма, складки у плеч, морщины на руках, под которыми обрисовывались могучие бицепсы.

Повторяя, что в его поступке нет ничего особенного, он повинился ей и шагнул к креслу. При этом он успел полюбоваться той непринужденной улыбкой, с которой села она, и смутился еще больше, представ себе свою нескладную фигуру. Все это было ново для него. Ни разу в жизни не задумываясь он не двинулся вопросом, ловок он или неуклюж. Ему никогда в голову не приходило смотреть на себя с этой точки зрения. Он осторожно присел на кресло, не зная, куда деть свои руки. Как он их ни клал, они все время мешали ему, тут еще Артур вышел из комнаты, и Мэри Иден с невольной тоской посмотрел ему вслед. Оставшись в комнате в едине с этим бледным духом в женском облике, он окончательно растерялся. Тут не было ни стойки, где можно спросить вина, ни мальчишки, которого можно послать за пивом, чтобы при помощи этих разговаривающих к общению и питков завести дружескую беседу.

— У вас шрам на шее, мистер Иден, — сказала девушка. — Откуда он? Наверно, это было какое-нибудь необычайное приключение?

— Мексик нец меня хв тил ножом, мисс, — отвеч л он, проведя языком по губ м и к шлянув, чтобы прочистить горло, — был пот совк . А потом, когд я вырв л у него нож, он хотел мне нос откусить.

Он ск з л это совершенно просто, перед его гл з ми возникл к ртин душной звездной ночи в С лин -Круц; бел я полос берег , огни груженных с х ром п роходов, голос пьяных м тросов в отд лении, толкотня грузчиков, иск женное яростью лицо мексик нц , звериный блеск его гл з при звездном свете, холод ст ли н шее, струя крови, толп и крики, дв тел , его и мексик нц , сплетенные вместе и к т ющиеся н песке, и мелодичный звон гит ры где-то вд ли. Т к это было, и, вздрогнув при одном воспомин нии, он подум л о том, сумел ли бы изобр зить все это н полотне тот, кто н пис л к ртину, висевшую в комн те? Белый берег, звезды, огни грузовых п роходов должны были хорошо выйти, — посредине, н песке, темн я толп вокруг борющихся. Он решил, что и нож следов ло изобр зить н к ртине, — ст ль т к кр сиво блестел бы при свете звезд.

Но в его слов х ничего этого не отр зилось.

— Д , он хотел откусить мне нос, — проговорил он.

— О! — воскликнул девушк , и в тоне ее голос и в выр жении лиц он почувствов л з меш тельство. Он и с м смеш лся, и легк я кр ск р злил сь по его з горелым щек м, причем ему пок з лось, что они пыл ют, к к после целого ч с , проведенного у открытой топки котл . О т ких неприглядных предмет х, к к др к н нож х, едв ли удобно беседов ть со светской д мой. В книг х люди ее круг никогд не говорили о подобных вещ х, — может быть, они о них д же не зн ли.

Произошл легк я з минк в едв успевшей з вяз ться беседе. Тогд Руфь снов з д л вопрос, н этот р з о шр - ме у него н щеке. Когд он спросил об этом, он понял, что он пыт ется ост в ться в кругу его тем, и решил, ответив, перевести з тем р зговор н темы, близкие ей.

— Случай вышел такой, — сказал он, проводя рукой по щеке. — Однажды ночью, в большую волну, сорвало грот со всеми снастями. Трос-то был проволочный, он и стал хлестать кругом, как змея. Вся в хвосте его поймать. Ну, я бросился и закрепил его, только при этом схлопотал по щеке.

— О! — воскликнул он опять, и этот раз с некоторым участием, хотя все эти «гроты» и «тросы» были ей столь же непонятны, как если бы он говорил с нею по-гречески.

— Этот... Свинберн, — начал он, осуществляя свой план, но при этом делая ошибку в произношении.

— Кто?

— Свинберн, — повторил он, — поэт.

— Суинберн, — поправил он его.

— Да, он с мый, — проговорил он, снова покрываясь снегом. — Давно он умер?

— Я не слышал, чтобы он умер. — Он посмотрел на него с любопытством. — А где вы с ним познакомились?

— Да я его и в глаза не видел, — ответил он. — Я прочитал кое-что из его стихов вон в той книжке на столе, как раз перед тем, как вы пришли. В мои стихи нравятся?

Он говорил свободно и легко об интересах в своем предмете. Он почувствовал себя лучше и даже глубже уселся в кресло, продолжая, однако, крепко держаться за ручки, словно опасаясь, что оно уйдет из-под него и он шлепнется на пол. Ему удалось перейти тему, близкую ей, и теперь он напряженно слушал, удивляясь тому, как много знаний укладываясь в ее хорошенькой головке, и неслышательно созерцанием ее хрупкой красоты. Он стараясь понять то, что слышал, хотя незнакомые слова, так просто слетавшие с ее губ, повергли его в недоумение, и даже весь ход мысли был ему совершенно чужд. Однако все это заставляло его работать. Вот где умственная жизнь, думал он, вот где красота, яркая и чудесная, о существо-

в нии которой он д же никогда не подозревал. Он з был все окружающее и ж дными гл з ми впился в девушку. Д , он н шел здесь то, для чего стоило жить, чего стоило добив ться, из-з чего стоило бороться и р ди чего стоило умереть. Книги говорили пр вду. Быв ют н свете т кие женщины. Вот одн из них. Он окрылил его вообр - жение, и огромные яркие полотн возник ли перед ним, и н них роились т инственные ром нтические обр зы, сцены любви и героических подвигов во имя женщины — бледной женщины, золотого цветк . И сквозь эти зыбкие, трепетные видения, к к сквозь чудесный мир ж, он смотрел н живую женщину, говорившую ему об искусстве и литер туре. Он слуш л и смотрел, не созн в я при ст льности своего взгляд , не созн в я, что вся мужск я сущность его н туры отр жен в его блестящих гл з х. Но он , м ло зн вш я о жизни и о мужчин х, вдруг по-женски н сторожил сь, пойм в этот пыл ющий взгляд. Еще ни один мужчин не смотрел н нее т к, и этот взгляд смутил ее. Он з пнул сь и умолкл . От нее вдруг ускользнул нить р ссуждений. Этот человек пуг л ее, и в то же время ей почему-то было приятно, что он т к н нее смотрит. Полученное воспит ние предостерег ло ее против оп сности и силы этого т инственного, ков рного об яния; но инстинкт звенел в крови, требуя, чтобы он з был свое происхождение и положение в обществе и устремил сь н встречу этому гостю из другого мир , этому неуклюжему юноше с изр ненными рук ми и кр сной полоской н шее, н третьей непривычным воротничком, — юноше, очевидно, хорошо зн комому с окружа ющей его грубой жизнью. Он был чист , и вся чистот ее возмуц л сь; но он был женщин , и к тому же только что н ч вш я з думыв ться н д удивительным п р доксом женской природы.

— К к я ск з л ... А что я говорил ? — вдруг воскликнул он , оборв в фр зу, и с м весело р ссмеял сь.

— Вы говорили, что этот Суинберн не сделался великим поэтом, потому что... да... вот и в этом вы кривы и остовились, мисс...

Он сказал это и почувствовал точно приступ везного голода. От ее смех приятные мурашки забегали у него по спине. Точно серебро, подумал он, точно маленькие серебряные колокольчики; и в это мгновение, и только в одно мгновение, он перенесся в далекую страну, сидел там под цветущей розовой вишней, курил и слушал звон колокольчиков остроконечной палочки, призывающий молитву богомольцев в соломенных сундуках.

— Да, да... был годичный восторг, — ответил он. — Суинберн потому не сделался великим поэтом, что, по правде говоря, он иногда бывает грубоват. У него есть такие стихотворения, которые просто не стоит читать. У него стоящего поэта ждать строчка исполнена прекрасного, истинного и вызывает к своему высокому и благородному в человеке. У великих поэтов нельзя выкинуть ни одной строчки. Это было бы огромной потерей для мира.

— А мне это покажется очень хорошо, — сказал он нерешительно, — то, что я вот тут прочел... Мне и в голову не приходило, что он такой негодяй. Должно быть, это сказано в других его книжках.

— И в той книге, которую вы читали, есть много строк, которые можно было бы выкинуть без всякого ущерба, — заявил он твердым и убежденным тоном.

— Мне они, верно, не понравились, — сказал он. — То, что я читал, было уж очень здорово. Точно свет какой-то тебе в душу светит, вроде солнца или прожектор. Так мне покажется, мисс: да ведь я, должно быть, ни черта в стихах не смыслю.

Он вдруг умолк, мучительно сознавая свою косноязычность. Он почувствовал тепло и огромность жизни в том, что только что прочел, но ему не хватило слов, чтобы рассказать об этом. Он сам себе казался мотом

н чужом судне, который темною ночью пут ется в не-
зн комой осн стке. Хорошо, решил он, зн чит, нужно во
что бы то ни ст ло освоиться в этом чужом мире. Еще
никогд не быв ло, чтобы он не смог овл деть тем, чего
хотел, сейч с он стр стно хотел н учиться выр ж ть
свои чувств и мысли т к, чтобы он его поним л . Он
уже з тмил для него весь горизонт.

— Вот, н пример, Лонгфелло... — н ч л он .

— Д , д . Я его чит л, — живо перебил он, жел я по-
скорей проявить все свои — хоть и м лые — позн ния
в обл сти литер туры. Пусть он убедится, что он не т кой
уж круглый невежд . — Я чит л «Пс лом жизни», «Экс-
цельсиор»... Д вот, к жется, и все.

Он улыбнул сь, кивнул головой, и он почувствов л
в ее улыбке снисходительность, печ льную снисходитель-
ность. Он сглупил, вздум в похв ляться своими ж лкими
позн ниями. Ведь этот Лонгфелло н пис л, н верно, не-
счетное множество книг.

— Простите меня, мисс, что я к в м полез с р зговор -
ми, — ск з л он, — Пр вду ск з ть, я м ло смыслю в т ких
вещ х. Это не моего ум дело... Но я добыюсь того, что это
будет моего ум дело.

Последние слов прозвуч ли к к угроз . Голос его зве-
нел, гл з сверк ли, скл дки в угл х рт обозн чились
резче. Ей д же пок з лось, что челюсть у него выдвинул сь
вперед. Лицо приняло к кое-то неприятное, вызыв ющее
выр жение. И в то же время мощн я волн мужествен-
ности, исходящ я от него, з хлестнул ее.

— Я верю, вы добьетесь того, чтобы... чтобы это ст ло
в шего ум дело, — подтвердил он смеясь. — Вы т кой
сильный!

Ее взгляд н миг ост новился н его мускулистой
бычьей шее, бронзовой от солнц , пышущей здоровьем
и силой. И хотя он сидел перед ней т кой смущенный
и робкий, ее снов потянуло к нему. У нее вдруг мель-
кнул сум сбродн я мысль. Ей предст вилось, что если